

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В ПРОЦЕССЕ ЗАСЕЛЕНИЯ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, 1858—1917 гг.*

Андрей Николаевич СМАГИН, аспирант ДВГУ
(редакция, к сожалению, не имеет фотоснимка автора)

На современном этапе развития исторической науки назрела острая необходимость комплексного изучения роли Русской православной церкви (РПЦ) в процессе освоения юга Дальнего Востока России в дореволюционный период. Данная потребность обусловлена актуальностью и фрагментарностью (проблемной, временной и территориальной) изучения темы.

В советской историографии эта проблема практически не рассматривалась исследователями. Сегодня, напротив, широкое распространение получил тезис, очевидно, рассчитанный на перспективу об исключительной роли православия в отечественной истории. Появилось значительное количество изданий, посвященных истории РПЦ на Дальнем Востоке России в дореволюционный период. Большинство из них носит статейный характер и затрагивает широкий круг проблем: историко-правовой аспект, персоналии православных деятелей, миссионерская деятельность, церковное строительство, история образовательных учреждений и монастырей, взаимоотношения церкви и государства. Особо необходимо выделить исследования А.А. Ипатьевой, О.П. Федирко и И.В. Кодола, реализовавшиеся в кандидатские диссертации¹. А.А. Ипатьева рассмотрела миссионерскую деятельность РПЦ на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в. Исследование О.П. Федирко об истории православных образовательных учреждений Благовещенской епархии (1862—1918); И.В. Кодола — роль РПЦ в процессе формирования культурной среды амурской деревни в период с 1858 по 1917 г. Все трое исследователей анализировали деятельность РПЦ в тесной взаимосвязи с государственными задачами освоения региона. Поэтому каждый из них в рамках своей темы коснулся вопросов государственно-церковных отношений.

Учитывая современное состояние историографии проблемы, автор этой публикации преследует цель рассмотреть государственно-церковные отношения в процессе формирования переселенческой среды юга Дальнего Востока России в период с 1858 по 1917 г.

Заселение Приамурья русскими подданными стало возможно после заключения между Россией и Китаем ряда договоров (1858—1860), определивших территориальные разграничения, и отмены крепостного права (1861). Юридические основы колонизации региона были заложены 26 марта 1861 г. «Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири», ориентированными на добровольное, льготное переселение главным образом крестьян. Несмотря на то, что государство предоставляло переселенцам право приобретать землю в собственность (в условиях аграрного голода в Центральной России это имело немалое значение), налоговые льготы и освобождение на двадцать лет от воинской повинности, далеко не каждый крестьянин-середняк мог решиться на материальные затраты и физические лишения, связанные с путешествием в Приамурский край и обустройством быта на новом месте. Крестьяне переселялись за свой счет. По времени такое путешествие занимало не менее двух лет, и не каждый достигал Приамурья, многие оседа-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России. Шифр гранта: А 03-1.2-100.

ли в Сибири. По подсчетам исследователей, в ходе первого этапа переселения (1861—1881) на юг Дальнего Востока России прибыли 11 634 крестьян. Из них большая часть (68,2%) расселилась на территории Амурской области², более 3 000 крестьян отправились на просторы Южно-Уссурийского края, образовав при этом около полутора десятка селений³.

Медленное и спонтанное заселение далекой окраины стало прямым следствием непоследовательной и противоречивой политики царского правительства в отношении российского Дальнего Востока. Традиционно правительственный курс носил «явно импульсивный характер, подогреваемый, главным образом, периодически возникавшей опасностью утраты российских дальневосточных территорий»⁴. После поражения в Крымской войне и успехов царской дипломатии на Дальнем Востоке практически на два десятилетия угас интерес правительства к активной экспансионистской политике. В это время внимание правительства, пожалуй, как никогда, сконцентрировалось на внутренних делах империи. Отмена крепостного права положила начало кардинальному изменению структуры российского общества. Чрезвычайно актуальным для государства стал вопрос организации крестьянского самоуправления. Ответ царского правительства на вызов нового времени (великие реформы) отчасти предполагал альтернативность и неопределенность развития событий. В этот процесс была вовлечена и РПЦ, ведущая религиозная организация Российской империи.

Массовое религиозное сознание русского народа делало религию одним из влиятельных факторов в жизни общества и государства. Исследователь С.В. Римский выделяет шесть сфер деятельности РПЦ: литургическую, культурно-идеологическую, публично-правовую, политическую, административную и социально-экономическую⁵. В целом соглашаясь с исследователем, отметим, что активность и плодотворность деятельности РПЦ в этих сферах во многом зависели от степени профессиональной пригодности духовенства. К началу 1860-х годов в РПЦ накопилось немало проблем, требовавших разрешения. Среди них — неудовлетворительные отношения между причтом и прихожанами, изъяны в морально-этическом облике духовенства, слабое материальное обеспечение клира, бюрократизация системы управления, необходимость реформирования духовных учебных заведений. Большая часть проблем напрямую была связана с зависимым положением РПЦ по отношению к государству⁶.

Главной целью церковных реформ 1860—70-х годов стало поднятие авторитета священнослужителей. Реформированию подверглись система епархиального управления и духовные учебные заведения, также предпринималась попытка решить проблему материального обеспечения духовенства. В финансовом отношении реформы не были обеспечены.

Вопрос об отделении РПЦ от государства не поднимался. Во многом это и определило незавершенный характер реформ. Значительные изменения произошли только в системе епархиального управления. С середины 1860-х годов получают широкое распространение благочинные и епархиальные съезды. Уже к началу 1880-х годов в большинстве епархий сложилась хорошо развитая сеть выборных органов белого духовенства, активно решавших злободневные проблемы⁷.

Церковные реформы практически не затронули молодую Камчатскую епархию. Причина этого кроется в ее географическом положении и неустоявшейся структуре. В 1862 г., когда кафедра правящего епископа была перенесена в г. Благовещенск, на территории Приамурья действовало не более десяти священников. Собственно, реформировать было нечего. Однако это обстоятельство не должно умалять значения деятельности РПЦ в процессе заселения далекой окраины. В условиях становления государственной власти в регионе, неравномерного расселения крестьян, слаборазвитой системы коммуникаций, острой необходимости переселенцев в психологической поддержке чрезвычайно важной является деятельность священнослужителей в литургической

(удовлетворение религиозных потребностей переселенцев) и административной (организация учета и контроля населения, документальное обеспечение основных этапов жизни человека) сферах. Не случайно первый законодательный акт, регламентировавший деятельность РПЦ в Приамурье, был направлен на решение проблемы материального обеспечения духовенства.

«Правила об обеспечении и устройстве духовенства в Приамурском крае» (утверждены 23 декабря 1859 г.) можно считать концентрированным выражением дальневосточной политики царского правительства в данный период. Цель закона — создание экономической независимости клира от прихожан — не соответствовала способам ее достижения. Закон ставил духовенство в прямую зависимость от прихода. Обеспечение духовенства Приамурского края свелось к тому, что жалованье от казны дополнялось денежным пособием (250 руб. священнику) и натуральными повинностями от прихожан (отопление храма, капитальный ремонт причтовых домов, наем церковного сторожа, предоставление священнику средств передвижения)⁸. В своей совокупности содержание причта от прихожан составило так называемую ругу. Изначально предполагалась частичная выплата руги с постепенным ее увеличением до полного объема по мере роста благосостоятельности прихожан.

Забота о материальном обеспечении причтов и содержании приходских церквей возлагалась на приходские советы. В сельской местности они должны были состоять из крестьянских начальников, церковных старост и представителей селений, входящих в приход. Место председателя совета непременно должен был занимать священнослужитель⁹. По причине малочисленности и дезинтеграции крестьян приходские попечительства появились в Приамурье только в 1869 г.¹⁰ Но и после этого содержание духовенства главным образом состояло из казенного жалованья с небольшим пособием от прихода¹¹. Наделение причтов землей также не соответствовало цели закона. Единственным способом получения прибыли с земли для клира являлась сдача ее в аренду, что в условиях малой плотности населения виделось лишь в отдаленной перспективе. Правила обеспечения духовенства Приамурского края не только не отвечали поставленной цели, но и заложили основу будущих противоречий между клиром и прихожанами. Вопрос о руге со временем стал постоянным источником конфликтов, а часть церковных земель в начале XX в. подверглась самовольной запашке.

Параллельно с процессом заселения юга Дальнего Востока России происходило формирование православной общины на колонизируемой территории. Основу формирующейся общины составили переселенцы из европейской части России, придерживавшиеся в отличие от казаков и сибиряков более благочестивого образа жизни. Оторванные от своей исторической родины, они стремились на новом месте воспроизвести традиционный уклад жизни, неотъемлемой частью которого являлась церковь. Подобные намерения отразились в распространенном среди переселенцев утверждении: «Мы и здесь Россию сделаем». При этом строительству храма отводилось ключевое место в процессе обустройства осваиваемого пространства¹². По мере заселения края приоритетной задачей епархиального начальства становилось удовлетворение религиозных потребностей переселенцев, но для этого необходимы были материальные средства, которыми епархия не располагала. На помощь государства рассчитывать не приходилось. У местной администрации четкое понимание актуальности проблемы строительства храмов в переселенческой среде, улучшения личного состава духовенства и его материального обеспечения сложилось только к концу 1870-х годов¹³. Поэтому храмы и дома для причтов строились за счет прихожан и ассигнований Синода. Основным подрядчиком выступали военные¹⁴. После завершения строительных работ у переселенцев, как правило, не оставалось средств на обустройство храма. В связи с этим в 1865 г. епископ Иннокентий снарядил своего сына, священника г. Благовещенска, в Москву и Санкт-Петербург для сбора пожертвований на устройство

церквей в Приамурском крае. Поездка оказалась успешной. Представитель известного купеческого рода В.Н. Рукавишников пожертвовал на благое дело 40 тыс. руб. Кроме этой суммы священнику удалось собрать многочисленную церковную утварь. Эти средства послужили основой для учреждения в 1866 г. при Камчатской духовной консистории Комитета по устройству церквей Приамурского края. Комитет взаимнообразно, без взимания процентов наладил обеспечение причтов церковной утварью и богословской литературой¹⁵.

Региональная специфика государственно-церковных отношений нашла отражение и в религиозной толерантности местной администрации, которая лояльно относилась к переселению в край старообрядцев и старорусских сектантов. Позиция местной администрации полностью соответствовала задачам заселения края, формирования на его территории русской общины и вместе с тем закладывала в регионе традиции веротерпимости. В этом же ракурсе следует воспринимать и запрет деятельности иностранных миссий на территории края (1867)¹⁶. В целом налаживание государственно-церковных отношений основывалось на приоритете государственных задач освоения региона. Поэтому во многом они были столь же непоследовательными и неопределенными, как и дальневосточный курс царского правительства.

Качественно новый этап взаимоотношений государства и церкви в регионе наступает в середине 1880-х годов. Связано это в первую очередь с активизацией дальневосточной политики царского правительства. Приграничный конфликт с Китаем на рубеже 70 — 80-х годов XIX в. показал, насколько слабо край прикреплен к России, и тем самым подтолкнул правительство к более действенным мерам для повышения его обороноспособности. Решение этой военно-политической задачи напрямую связано с заселением и освоением Приамурья. В перспективе переселенцы должны были обеспечить военных продовольствием и призывниками, создать демографическую опору российской государственности в регионе. Таким образом, в начале 1880-х годов в правительственных кругах более четко определяется задача необходимости формирования «большой русской нации» (общности восточнославянского населения с доминирующей долей русских) на колонизируемой далекой окраине.

В 1881—1882 гг. чиновник Главного управления Восточной Сибири (ГУВС) Ф.Ф. Буссе разработал проект переселения крестьян в Южно-Уссурийский край, который предусматривал переселение крестьян морем из Одессы во Владивосток за казенный счет и выделение переселенцам безвозмездных пособий. 3 июля 1882 г. Ф.Ф. Буссе был назначен на должность заведующего Южно-Уссурийским переселенческим управлением. На этом посту (занимал его до 10 марта 1893 г.) он провел огромную и кропотливую работу по переселению и обустройству быта крестьян. С 1882 г. переселение приобрело организованную форму, а Южно-Уссурийский край до начала XX в. стал основным колонизируемым районом Дальнего Востока России.

На обширных просторах Южно-Уссурийского края в большом количестве стали возникать населенные пункты. Одновременно местная администрация столкнулась с многими проблемами, в том числе и вопросов культурного обустройства переселенцев на местах водворения. Так, одной из ее «важных забот» стало удовлетворение «потребностей переселенцев в церкви»¹⁷. По свидетельству краеведа И.П. Надарова, «...в каждой партии переселенцев бабы плакали, что на местах их новой родины нет церкви и школы»¹⁸. Чиновники Переселенческого управления более позднего периода (А.В. Кривошеин, А.А. Риттих, В.И. Гиппиус) также отмечали, что чувство тоски по родине особенно сильно проявляется у хранительниц домашнего очага и связано в первую очередь с отсутствием православных храмов на местах водворения¹⁹. «Повсеместно приходилось слышать заявления крестьян, — писал А.А. Риттих в отчете по командировке в Южно-Уссурийский край (1899), — что в деревнях, где есть церковь, бабы меньше тоскуют и плачут, а бабий плач — эта тоска по родине, длящаяся несколько лет и расстраивающая семейную жизнь

новосела, является главной, если не единственной причиной обратных выселений из Уссурийского края»²⁰. У местной администрации уже в середине 1880-х годов сформировалось четкое представление о роли и значении православной церкви в процессе формирования переселенческой среды. Она первой отреагировала на необходимость строительства храмов и учреждения новых приходов.

Первоначально проблему строительства православных храмов в Южно-Уссурийском крае местная администрация попыталась решить через Ведомство православного исповедания (ВПИ) путем ходатайств местного благочинного отца П. Мичурина. Но Синод, испытывая финансовые трудности, не спешил их удовлетворять. Когда стало очевидным, что через Синод проблему строительства церквей в крае не решить, заведующий Южно-Уссурийским переселенческим управлением Ф.Ф. Буссе будучи лютеранином по вероисповеданию (по формуляру числился православным)²¹ взял инициативу в свои руки. Осенью 1885 г. он возбудил ходатайство по линии Министерства внутренних дел об учреждении церковно-школьного фонда, основу которого должен был составить предполагаемый остаток переселенческого кредита за 1885 г. — около 6 000 руб. Ф.Ф. Буссе приложил ведомость распределения переселенцев, прибывших в 1883—1885 гг., по существующим и проектируемым церковным приходам²². В документе указывалось расстояние от каждого селения до ближайшей церкви, количество семей в этих селениях, отдельно количество мужчин и женщин. Планируемые приходы были согласованы Ф.Ф. Буссе с отцом П. Мичуриным.

Остаток переселенческого кредита за 1885 г. составил 8 432 руб. С разрешения МВД и Министерства финансов он был перечислен в церковно-школьный фонд. Средства фонда хранились на депозите Переселенческого управления во Владивостокском казначействе и предназначались для выдачи беспроцентных ссуд переселенцам на строительство церквей и школ. В целях эффективного использования средств фонда был создан Комитет для постройки церквей и учреждения школ в Южно-Уссурийском крае. В его состав вошли отец П. Мичурин, директор народных училищ Г. Мазинг и окружной исправник. Председателем стал Ф.Ф. Буссе. Деятельность новой организации носила временный характер (2 августа 1886 — 4 июня 1890 г.). Военный губернатор Приморской области И.Г. Баранов, пользуясь наделенными полномочиями, разрешил временную деятельность комитета до утверждения его устава на правительственном уровне²³. Решительные действия И.Г. Баранова были мотивированы острой необходимостью создания благоприятных культурных условий в местах водворения переселенцев. Как представитель бюрократического аппарата, он прекрасно понимал, что принятие решения по комитету в вышестоящих инстанциях займет определенное время и тем самым может повредить переселенческому делу.

Непосредственно подчиняясь военному губернатору Приморской области, комитет выделял в Южно-Уссурийском переселенческом управлении беспроцентные ссуды сельским обществам на строительство церквей, школ, приобретение церковной утвари. Для того чтобы приходы могли приобретать церковную утварь и ризницы по приемлемым ценам, он при посредничестве некой московской фирмы вступил в отношения с мастерскими и фабриками. К начальной цене добавлялись расходы на доставку и 5% комиссионных. Со временем стали принимать заказы от приходов на приобретение предметов культа с условием предоплаты. Так как средства были ограничены, предметы культа, выдаваемые вновь учреждаемым приходам, составили набор «крайней необходимости». Стоимость такого минимального комплекта составила 950 руб.

Оборотный капитал фонда за время деятельности комитета составил 9 175 руб. 77 коп. В него вошли остаток переселенческого кредита за 1885 г. — 8 432 руб. 30 коп., пожертвование от военного губернатора Приморской области И.Г. Баранова (1886) — 68 руб. 99 коп., частные пожертвования — 24 руб. 48 коп., 650 руб. поступило от прихожан в качестве предоплаты на приобретение церковной утвари и ризницы. Общая сумма выделенных ссуд двенадцати

ти сельским обществам составила 13 017 руб. 62 коп.; 200 руб. было выделено на строительство школы. Стоимость церковных вещей, проданных в кредит, составила 1 111 руб. 79 коп., сумма, израсходованная на приобретение из Москвы церковной утвари и ризницы, — 8 439 руб. 4 коп. Безвозмездных пособий комитет не выдавал.

В это время значительно активизировался порыв переселенцев по возведению храмов, не порождая при этом иждивенческих настроений. Одно лишь известие о разрешении постройки церквей в селах Ивановке и Григорьевке повлекло существенное увеличение числа жителей в них, а следовательно, и материальных возможностей данных обществ.

Необходимо подчеркнуть, что деятельность комитета не противоречила закону о строительстве православных храмов²⁴. Более того, она полностью соответствовала десятилетней программе развития края, которую в 1887 г. разработал первый Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф. Среди шести пунктов программы на втором месте (сразу после усиления военного присутствия в регионе) значилось: «...увеличение коренного русского населения, сокращение притока желтой расы, переселение казаков, поддержание и развитие православия»²⁵. Однако были и иные точки зрения на эту проблему.

Благочинный отец П. Мичурин принял активное участие в работе комитета: под его непосредственным руководством проводилось строительство всех церквей в крае²⁶. Епископ Гурий также поддержал начинания Ф.Ф. Буссе²⁷, но при этом попытался подчинить комитет Камчатской духовной консистории²⁸. Иного мнения придерживался обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. Проект комитета не соответствовал проводимому им курсу ведомственной обособленности и жесткой централизации деятельности РПЦ. Поэтому в своем письме А.Н. Корфу от 24 мая 1887 г. он предложил перевести церковно-школьный фонд в ведение епархиального начальства²⁹.

А.Н. Корф согласился с мнением К.П. Победоносцева в том, что дело церковного строительства должно быть сосредоточено в Камчатской духовной консистории, но вместе с тем выразил необходимость согласования выбора сельских обществ, которым предполагалось оказывать материальную помощь в строительстве храмов³⁰. 28 мая 1887 г. А.Н. Корф отдал распоряжение И.Г. Баранову «немедленно» перевести средства церковно-школьного фонда в ведение епископа Гурия³¹, но немедленно выполнить распоряжение не удалось, так как основная часть фонда находилась в обороте.

Временная деятельность комитета и вопрос об утверждении его устава в определенной мере стимулировали выделение Синодом средств на церковно-строительные нужды Южно-Уссурийского края, и в 1887 г. поступило 2 000 руб. крестьянам с. Черниговки, а в 1888 г. — 14 000 руб. на строительство семи церквей в разных частях края³². Остаток кредита на переселение крестьян в Южно-Уссурийский край за 1888 г. составил 22 000 руб. Эти деньги по понятным причинам не поступили в церковно-школьный фонд, они осели на депозите Южно-Уссурийского переселенческого управления. МВД решило использовать их на строительство церквей. *Целый год* (подчеркнуто нами. — А.С.) шло согласование распределения этих средств с капиталом церковно-школьного фонда между епископом и Приамурским генерал-губернатором. Епископ Гурий попытался за счет остаточных средств, предназначенных на переселение крестьян в Южно-Уссурийский край, оказать помощь в строительстве храмов в четырех селениях Амурской области и в казачьей станице Платоно-Александровской³³. Действия епископа ясно показывают, что финансовые возможности ВПИ не соответствовали притязаниям епархиального начальства возглавить процесс церковного строительства в регионе. Рассматривая предложение А.Н. Корфа, епископ отметил, что выделяемые средства должны служить именно как пособия «в отношении к собственному усердию крестьян». В противном случае он опасался, что переселенцы «во всем будут полагаться на правительство». В связи с этим епископ Гурий подчеркнул, что

предполагаемые А.Н. Корфом пособия «непомерно велики». После согласования они сократились более чем в два раза. Соответственно увеличилось количество сельских обществ, которым предполагалось оказать помощь³⁴. В конечном итоге пособия получили двадцать четыре сельских общества Южно-Уссурийского края. Средства были выданы безвозвратно на строительство церквей, часовен и благоустройство храмов. Таким образом, как мы видим, политика епархиального начальства была обратно пропорциональной принципам работы комитета Ф.Ф. Буссе, что выразилось в быстром расходе средств и стремлении оказать помощь возможно большему числу сельских обществ, хотя и не в должном объеме.

Строительство церквей и часовен в крае проводилось без составления планов и смет. У крестьян на это не хватало денег, а местные специалисты не желали заниматься подобной работой безвозмездно³⁵. 4 июня 1890 г. Комитет по строительству церквей и учреждению школ в Южно-Уссурийском крае прекратил свою деятельность. В этот день весь остаток церковно-школьного фонда (6 009 руб. 81 коп.)³⁶ вместе с делопроизводственными документами передала благочинному отцу П. Мичурину, и он распределил деньги на строительство храмов³⁷. Это событие ознаменовало передачу церковного строительства на юге Дальнего Востока России в ведение духовной власти.

Деятельность комитета показывает суть государственно-церковных отношений в процессе колонизации региона: по-прежнему задача освоения далекой окраины являлась определяющей. Однако появились и существенные коррективы — произошло заметное усиление личного фактора на всех уровнях власти. Что касается взаимодействия двух ветвей власти (светской и духовной), то оно было явно непоследовательным по мере возвышения иерархии: от согласия на местах, лояльности на региональном уровне до полной непродуктивности на уровне министерств. В результате «межведомственного диалога» произошла бюрократизация организации церковного строительства на территории Южно-Уссурийского края. Такое положение дел не являлось конструктивной альтернативой загубленному проекту Ф.Ф. Буссе и требовало поиска новых путей решения проблемы.

В начале 1890-х годов изменилась география заселения Южно-Уссурийского края. Связано это было со строительством Уссурийской железной дороги. Переселенцы стали активно осваивать земли в долине р. Сунгача. В этом районе было образовано семь новых поселений: Гайворон, Хвалынка, Александровка, Зеньковка, Успенка, Лутковское и Бельцово. Ближайшая к ним церковь находилась в с. Спасском, располагавшемся на довольно значительном расстоянии. По этой причине сельские общества упомянутых деревень нуждались в материальной помощи на строительство храмов. Кроме этого, по прогнозу местной администрации на ближайшие три-четыре года в данном районе должны были основываться новые села, соответственно потребность переселенцев в храмах должна была возрасти³⁸. Также особо нуждались в строительстве церкви и не имели на это достаточных средств жители сел Дубки, Новожатково и железнодорожного поселка Кетрицево (ныне ст. Уссурийск).

Для оказания помощи сельским обществам местная администрация использовала остатки переселенческого кредита на строительство храмов (остаток за 1893 г. составил 35 000 руб.). Эти средства поступили в распоряжение Комитета Сибирской железной дороги (образован в 1892 г.). В структуру комитета входила подготовительная комиссия, курировавшая вопросы колонизации на прилегающих к строящейся железной дороге территориях, в их числе церковное и школьное строительство. По решению местной администрации и епархиального начальства выделенные деньги были распределены на строительство церквей-школ следующим образом: селам Зеньковке, Успенке, Бельцово, Лутковскому по 4 500 руб., Новожатково и Дубки по 5 000 руб., пос. Кетрицево — 7 000 руб.

Строительство храма в пос. Кетрицево взяло на себя Управление Уссурийской железной дороги, 7 000 руб. были переданы в его ведение (строительство церкви окончено в 1898 г.). Остальные 28 000 руб. более двух лет оставались невостребованными. Причина этого — бюрократизация принятия и выполнения управленческих решений, нехватка на местах специалистов в области строительного дела, неопытность исполняющего должность благочинного церкви Ханкайского участка отца А. Сахарова, в распоряжение которого поступили 28 000 руб.³⁹ Не обладая специальными знаниями в области строительства, священник А. Сахаров отказался курировать строительство храмов во вверенном ему благочинном округе, за что впоследствии был отстранен от исполняемой должности. По существующему законодательству строительство храмов действительно не входило в круг его обязанностей⁴⁰, однако того требовали время и епархиальное начальство.

Сложившаяся ситуация нуждалась в немедленном разрешении, так как в 1894 г. по инициативе управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзина был учрежден специальный фонд для содействия делу церковного строительства на территории юга Сибири и Дальнего Востока. Первый взнос в размере 200 руб. поступил от известного православного деятеля о. Иоанна Кронштадтского. На помощь казны А.Н. Куломзин не рассчитывал. Поэтому в целях привлечения внимания потенциальных жертвователей он составил и опубликовал аналитическую записку «Церковное дело в районе Сибирской железной дороги»⁴¹. Факт скромного пожертвования о. Иоанна получил широкую огласку, благодаря чему в фонд стали активно поступать средства со всей России. После смерти императора Александра III (20 октября 1894 г.) фонду было присвоено его имя. Автором идеи выступил секретарь о. Иоанна капитан Костин. Используя эти два имени и прозрачную систему расходования средств (гласные отчеты, надзор Государственного контроля), А.Н. Куломзину удалось привлечь в фонд до 1904 г. свыше двух миллионов рублей⁴². Средства фонда необходимо было осваивать.

В Южно-Уссурийском крае не нашлось священника, который смог бы курировать строительство храмов. Поэтому епархиальное начальство в ноябре 1896 г. командировало в край священника г. Благовещенска М. Кессельмана. Необходимый опыт он приобрел в должности председателя строительного комитета по постройке каменного кладбищенского храма г. Благовещенска. По 1903 г. включительно о. М. Кессельман курировал строительство православных храмов в Южно-Уссурийском крае. Благодаря его коммуникабельности (местные специалисты безвозмездно разработали несколько универсальных планов и смет), поддержке фонда им. Александра III и накоплениям местного ресурса (многие сельские общества приступали к строительству храмов исключительно на собственные средства) за короткое время в крае удалось построить более сорока православных храмов⁴³.

Работы по сооружению храмов способствовали интеграции сельских обществ, а расширение возможностей удовлетворения религиозных потребностей создавало условия для более быстрой и менее болезненной адаптации переселенцев к местным условиям, поддержанию и развитию православных традиций.

Иначе складывалась ситуация на территории Амурской области. Местная администрация понимала необходимость устройства церквей и школ для формирования культурной среды амурской деревни, однако на практике ограничилась только водворением переселенцев на осваиваемые земли⁴⁴. Такое положение дел полностью соответствовало государственным приоритетам освоения региона — заселить в первую очередь окраину, а именно Южно-Уссурийский край. Поэтому финансирование переселенческого дела в области было ограничено настолько, что экономить средства на строительство храмов не представлялось возможным. Переселенцы могли рассчитывать только на собственные силы. Помощью фонда им. Александра III на рубеже XIX—XX вв. смогли воспользоваться лишь три сельских общества⁴⁵. Таким образом, к 1901 г.

в переселенческой среде Амурской области функционировало всего девятнадцать православных храмов⁴⁶. По мнению Благовещенско-Приамурского епископа Никодима, такое количество церквей было вполне достаточно для сравнительно немногочисленной православной общины⁴⁷. Слабое внимание правительства способствовало формированию на территории области крупных общин старообрядцев и старорусских сектантов. Поэтому епархиальное начальство, испытывая определенные трудности в удовлетворении религиозных потребностей неравномерно рассредоточенной православной общины, ревностно старалось оградить свою паству от религиозного влияния экономически активных старорусских сектантов. При этом оно не имело традиционной для Центральной России административной поддержки. В целях организации борьбы с сектантами и с расколом в 1886 г. епархиальное начальство учредило Православное Братство Пресвятой Богородицы. Однако деятельность братства была неэффективной, так как в епархии отсутствовали хорошо подготовленные миссионеры⁴⁸, поэтому епархия с трудом справлялась с задачей минимум (сохранение паствы).

Ввод в эксплуатацию Среднесибирской железной дороги (1899) объективно способствовал возрастанию потока переселенцев в Амурскую область. Соответственно актуализировалась проблема удовлетворения религиозных потребностей новоселов. Однако ходатайство военного губернатора Амурской области в 1904 г. о необходимости учреждения в составе местного переселенческого управления разъездного причта было отклонено⁴⁹.

Значительное увеличение численности населения Южно-Уссурийского края и его отдаленность от епархиального центра стали основной причиной разделения в 1899 г. огромной Камчатской епархии на две части. В ходе ее реорганизации были образованы Владивостокско-Камчатская и Благовещенско-Приамурская епархии. В состав последней вошли территории Амурской области и часть Приморской — приходы, расположенные по линии Уссурийской железной дороги (в 1901 г. они перешли в юрисдикцию Владивостокской епархии)⁵⁰ и на Нижнем Амуре. Кафедра епископа расположилась в г. Благовещенске. Владивостокская епархия включила в себя все округа Приморской области и о-в Сахалин. Несколько неопределенным оставалось разграничение епархий на Нижнем Амуре⁵¹. Кафедра епископа разместилась во Владивостоке. Территории епархий практически стали соответствовать административным границам Амурской и Приморской областей (за исключением о-ва Сахалин, выделенного в особое военное губернаторство), что в немалой степени способствовало развитию взаимодействия светской и духовной власти в регионе.

В связи с русско-японской войной процесс переселения угасает. В свою очередь итоги и последствия войны, а затем и революции заставили царское правительство и российское общество кардинальным образом пересмотреть позиции в отношении к переселенческому делу и дальневосточному региону.

Проблема освоения Дальнего Востока получила широкое обсуждение на правительственном уровне. Внимание правительства и общественных кругов привлекли вопросы, касающиеся колонизации далекой окраины, строительства Амурской железной дороги, регулирования международных правил рыболовства, таможенной политикой в регионе. Необходимость решения данных вопросов выдвинула на первый план проблему координации действий министерств и ведомств на всей вертикали власти⁵². Первоначально это попытались решить отдельно Синод, Министерство финансов, Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). Каждое ведомство преследовало собственные цели. Частично решить проблему таким путем удалось только ВПИ, занимающему особое место в структуре правительства.

18 января 1908 г. при Синоде было образовано «Особое совещание по удовлетворению религиозных нужд переселенцев в Зауральских епархиях». Совещание возглавил обер-прокурор Синода сенатор Рогович. В его состав вошли чиновники духовного ведомства, Переселенческого управления и МВД. Целью

работы совещания стало изыскание средств на удовлетворение религиозных потребностей переселенцев, разработка общего плана учреждения в местах водворения переселенцев церковных причтов, школ, строительства храмов, причтовых и училищных домов. По высочайшему повелению от 7 марта 1908 г. «для осуществления намеченных центральными учреждениями мероприятий» в каждой епархии стали создаваться Епархиальные комитеты по удовлетворению духовных потребностей переселенцев. В состав данных органов соответственно вошли епископ (председатель), губернатор, управляющий государственным имуществом, заведующий переселенческим районом и областной архитектор. В свою очередь в приходах, где планировалось строительство, организовывались местные комитеты, состоявшие из священника (председатель), чиновника Переселенческого управления, крестьянского начальника и выборных лиц от крестьян⁵³.

Создание отдельной структуры, занимавшейся проблемами удовлетворения религиозных нужд переселенцев, объективно способствовало интенсивному строительству православных храмов на осваивавшихся территориях, учреждению новых приходов и разъездных причтов. Во многом именно по этой причине обер-прокурор Синода не стал членом Комитета по заселению Дальнего Востока (1909—1915). Как и министр народного просвещения, он приглашался на заседания комитета в случае необходимости. Участие обер-прокурора в работе комитета свелось к ознакомлению присутствующих с деятельностью Особого совещания, обоснованию необходимости развития институтов РПЦ в переселенческой среде и выработке конкретных рекомендаций, реализация которых требовала дополнительных ассигнований.

Увеличение в 1908 г. расходов ВПИ, значительно превышающих расходы за 1907 г., было достигнуто благодаря активной деятельности Особого совещания. Для привлечения пожертвований в фонд им. Александра III (в связи с закрытием Комитета Сибирской железной дороги в 1905 г. фонд перешел в ведение Синода) в 1908 г. Синод установил ежегодный сбор пожертвований в день Св. Троицы⁵⁴. Кроме этого, начиная с 1909 г. фонд стал получать ежегодное пособие от казны в размере 50 000 руб.⁵⁵ Однако средств фонда оказалось недостаточно для решения поставленных задач в полном объеме. Дополнительный источник средств был найден в бюджете ГУЗиЗ. Переселенческое управление организовало выдачу ссуд и пособий переселенцам на постройку церквей, школ и причтовых домов. Распределение данных средств согласовывалось с епархиальными комитетами.

Активное заселение региона обострило кадровую проблему в дальневосточных епархиях. Единственная в регионе Благовещенская духовная семинария (учреждена в 1870 г.)⁵⁶ выпускала обучающихся раз в два года в очень ограниченном количестве. Часть семинаристов, не получив полного богословского образования, принимала сан и отправлялась служить в открывающиеся приходы. На учреждение семинарии во Владивостокской епархии у государства не нашлось средств, поэтому в 1909 г. в Москве по инициативе известного миссионера протоиерея И. Восторгова были организованы пастырские курсы. Сюда стали приниматься учителя церковных школ, а также диаконы и псаломщики, имевшие звание учителя одноклассной школы. Помимо занятий по специальности программа курсов включала лекции по истории и современному состоянию переселенческого дела в Сибири и на Дальнем Востоке. При этом в лекциях раскрывались роль и значение деятельности РПЦ в процессе колонизации восточной части Европейской России⁵⁷. Отправляясь на места будущего служения, выпускники курсов получали пособия от ГУЗиЗ. Благодаря курсам удалось разрешить кадровую проблему. Так, в 1915 г. на службе в Благовещенской епархии находилось 53 выпускника курсов (31% священнослужителей епархии), во Владивостокской епархии — 77 чел. (38%)⁵⁸.

В результате финансового обеспечения проекта и хорошо отлаженного межведомственного взаимодействия с 1908 г. по 1915 г. на территории

Благовещенской епархии было открыто 75 переселенческих приходов, учреждено шесть разъездных причтов⁵⁹. В это же время в переселенческой среде Приморской области появились новые приходы (81)⁶⁰. Таким образом, по мнению местных архиереев, была снята острота проблемы строительства церквей и открытия новых приходов⁶¹.

По мере ликвидации угрозы новой войны с Японией и усиления дезинтеграционных тенденций внутри правительства после гибели П.А. Столыпина заметно снизилась активность дальневосточной политики, а с началом первой мировой войны произошло значительное сокращение финансирования переселенческого дела.

Подводя итоги, следует отметить, что зарождение государственно-церковных отношений на территории Приамурья происходило с начала присоединения региона к России (1858). К этому времени РПЦ являлась неотъемлемой частью государственного аппарата, действовала в важнейших сферах жизни общества и государства. С заселением юга Дальнего Востока России государственно-церковные отношения строились на основе приоритета государственных задач освоения региона и положения РПЦ в системе государственного управления. Опыт колонизации показал, что удовлетворение религиозных потребностей переселенцев является важнейшим условием их скорейшей адаптации в местах водворения. Поэтому в середине 1880-х годов в ходе активизации дальневосточной политики царского правительства организация религиозной жизни переселенцев, составивших паству РПЦ, стала важной государственной задачей. Неоценимый вклад в ее решение внесли Ф.Ф. Буссе, И.Г. Баранов, А.Н. Куломзин, священники П. Мичурин и М. Кессельман. По мере усиления колонизации региона государственная поддержка развития институтов РПЦ в переселенческой среде возрастала, шло тесное взаимодействие светской и духовной власти. В результате к 1917 г. на территории Приамурья удалось создать сеть относительно компактных православных приходов. В целом этапы развития государственно-церковных отношений в процессе формирования переселенческой среды полностью соответствуют общепринятой периодизации заселения региона.

¹ Ипатьева А.А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1999.; Она же. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX века // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С. 69—112; Федирко О.П. Православные образовательные учреждения Благовещенской епархии (1862—1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2001.; Она же. Очерки истории православного образования в дореволюционном Приамурье (1862—1918 гг.). Благовещенск, 2003.; Кодола И.В. Культурная среда Амурской деревни (1858—1817 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Владивлосток, 2002.

² Шперк Ф. Россия Дальнего Востока // Зап. Импер. Русского геогр. о-ва. СПб., 1885. Т. 14. С. 495.

³ Степанов М. Южно-Уссурийский край. СПб., 1880. С. 30—31.

⁴ Ремнев А.В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти: исторический опыт России и вызов современности. М., 2001. С. 323.

⁵ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ: (Церковные реформы в России 1860—1870 гг.). М., 1999. С. 44.

⁶ Там же. С. 562.

⁷ Там же. С. 467, 564.

⁸ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5993. Л. 6—7 об.

⁹ Там же. Л. 8 об.-9.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 422. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² Алябьев Г. Далекая Россия: Уссурийский край. СПб., 1872. С. 88; Амур и Уссурийский край: к двадцатипятилетию присоединения Амурского и Уссурийского края. М., 1885. С. 125.

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 835. Л. 4.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 469. Л. 2, 5.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1882. Л. 73 об.; Амур и Уссурийский край... С. 56.

- ¹⁶ Сердюк М.Б. Государственная политика в области религии в Приамурском крае в 1858—1882 гг. // Христианство на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. Ч. 1. С. 239.
- ¹⁷ Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883—1893 годах, с картой. СПб., 1896. С. 48.
- ¹⁸ Надаров И.П. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край // Зап. Приамур. отд. Импер. Русского геогр. о-ва. Т. 2. Вып. 4. Хабаровск, 1898. С. 54.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 89. Л. 18; Журнал Подготовительной комиссии при Комитете Сибирской железной дороги за 1901 г. № 110: Библиотека РГИА. Кол. печ. записок. № 2119. С. 95.
- ²⁰ Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб., 1899. С. 73.
- ²¹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2138. Л. 21об.; Надаров И.П. Переселение крестьян... С. 54.
- ²² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 69. Л. 3—4.
- ²³ Там же. Л. 57.
- ²⁴ Строительный устав // Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 1. СПб., Ст. 205—245.
- ²⁵ Унтербергер П.Ф. Приморская область за 1856—1898 гг. СПб., 1900. С. 309.
- ²⁶ Камчат. епарх. ведомости. 1894. № 17. С. 367.
- ²⁷ РГИА ДВ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.
- ²⁸ Там же. Ф. 702. Оп. 5. Д. 528. Л. 20 об.
- ²⁹ Там же. Оп. 3. Д. 69. Л. 49—49 об.
- ³⁰ Там же. Л. 53.
- ³¹ Там же. Л. 51.
- ³² Надаров И.П. Переселение крестьян морем... С. 54.
- ³³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 69. Л. 69 об.
- ³⁴ Там же. Л. 73—74.
- ³⁵ Там же. Л. 119 об.
- ³⁶ Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян... С. 51.
- ³⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 69. Л. 96.
- ³⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 5. Д. 616. Л. 52—52 об.
- ³⁹ Смагин А.Н. Церковное строительство в Южно-Уссурийском крае на рубеже XIX—XX вв. // Межконфессиональные отношения на Дальнем Востоке России на рубеже тысячелетий. Владивосток, 2002. С. 139.
- ⁴⁰ Строительный устав // Свод законов ... Ст. ст. 227—235; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 489. Л. 571—573.
- ⁴¹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 489. Л. 492—507.
- ⁴² РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 190. Л. 27—28.
- ⁴³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 31. Л. 448—501; Разумовский А. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899—1903 гг.). Симферополь, 1906. С. 50—51.
- ⁴⁴ Кодола И.В. Культурная среда... С. 59.
- ⁴⁵ Сибирские церкви и школы. СПб., 1904. С. 52.
- ⁴⁶ Кодола И.В. Культурная среда... С. 243.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1882. Л. 62.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 232. Л. 62; Ипатьева А.А. Миссионерская деятельность ... // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С. 108—110.
- ⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 157. Л. 42.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1883. Л. 10.
- ⁵¹ Разумовский А. Владивостокская епархия... С. 16.
- ⁵² Ремнев А.В. Комитет по заселению Дальнего Востока (1909—1915 гг.) // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. СПб., 2003. С. 140.
- ⁵³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 108. Л. 6 об.; Кодола И.В. Православная церковь и религиозные потребности крестьян-переселенцев Амурской области в начале XX века // Христианство на Дальнем Востоке. Ч. 1. Владивосток, 2000. С. 50.
- ⁵⁴ Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. № 10. С. 286.
- ⁵⁵ Обзор работ Государственной Думы по рассмотрению смет Св. Синода: Библиотека РГИА. Кол. печ. записок. № 3142. С. 48.
- ⁵⁶ Федирко О.П. Очерки истории православного образования ... С. 24.
- ⁵⁷ Московские пастырские курсы. СПб., 1911. С. 10—11.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2687. Л. 27 об.; Д. 2689. Л. 22.
- ⁵⁹ Там же. Д. 2562. Л. 5; Д. 2625. Л. 9—9 об.
- ⁶⁰ Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2259. Л. 8 об.; Д. 2320. Л. 5; Д. 2376. Л. 8; Д. 2440. Л. 7 об.; Д. 2505. Л. 8; Д. 2567. Л. 6 об.; Д. 2626. Л. 7 об.
- ⁶¹ Там же. Д. 2749. Л. 32 об.

SUMMARY. Andrei Smagin, the author of the article “State and Church Relations in the Process of the Settlement of the South of the Russian Far East” states that the process of settling the territory was parallel to the process of forming Orthodox Community. It was based on the pious settlers from European part of Russia.